

СВЯТИЛИЩЕ БОБОРЫКИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ПАМЯТНИКЕ ПАЛАТКИ I

Традиция выделения и изучения неолитических памятников Зауралья восходит еще к середине XX в. Но лишь в последнем десятилетии этого века объектом специального исследования стали культовые неолитические комплексы – «богатые бугры»¹. Появились попытки обнаружения культовых мест в жилом пространстве².

Раскопки на памятнике Палатки I дали новые данные для изучения мифо-ритуальной практики неолитического населения края.

Памятник занимает северо-западную часть острова Каменные палатки Железнодорожного района Екатеринбурга. Остров в настоящее время окружен болотом. В эпоху мезолита–бронзы он возвышался в южной стороне палеоозера Романовского, входившего в водную систему истоков Исети.

Площадка размером 7,3 × 4,5 м расположена в 3 м от западной кромки крутого берега. С запада, востока и юго-востока она ограничена невысокими выходами гранитного материка.

Боборыкинский комплекс в пределах площадки не сразу удалось вычленить, так как остров неоднократно заселялся, начиная с эпохи мезолита, во все последующие эпохи. На обозначенном месте неолитические объекты нарушили мезолитический слой и в свою очередь были частично уничтожены южной частью энеолитического жилища с находками аятского типа, ямой и северной частью культового сооружения раннего железного века. Наконец, в самом центре площадки, по всей вероятности, в конце XIX в., когда на острове был расположен хутор Комарова, была выкопана яма (рис. 1).

По направлению и интенсивности выкидов зольного слоя, материковой дрсевы, камней и фрагментов сосудов боборыкин-

ского типа прослежена последовательность разрушения объектов этой культуры и выявлены основания для реконструкции внешнего вида неолитического памятника (рис. 2, 3).

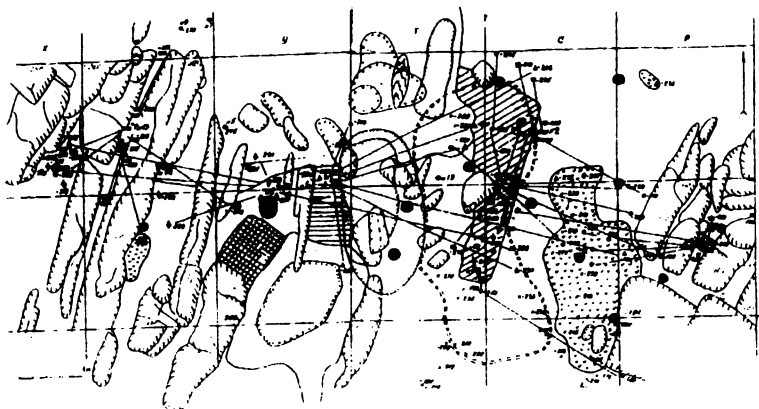

Рис. 1. План раскопа северо-западной части памятника Палатки I. Условные обозначения: 1 – прокол; 2 – сохранившаяся часть котлована постройки; 3 – глиняная площадка красного цвета; 4 – глиняная площадка серо-желтого цвета; 5 – выброс глины белого цвета; 6 – границы выброса золы; 7 – ямки; 8 – очертания поздних ям; 9 – 14 – скопления фрагментов сосудов (9 – № 1; 10 – № 2; 11 – № 4; 12 – № 6; 13 – № 8; 14 – № 13); 15 – фрагменты сосудов № 5, 7, 9, 10, 11, 14, 19; 16 – границы выброса дровы

В распределении объектов на памятнике наблюдается определенный порядок. Центральную часть составляют сооружение и две, возможно, три глиняные вымостки. Маленькая постройка, ориентированная параллельно скальным выходам с севера–северо-востока на юг–юго-запад, была на 0,1–0,15 м врезана в грунт. По хорошо сохранившимся очертаниям восточной части и ямкам от столбов в западной можно судить, что она была прямоугольной в плане, каркасно-столбовой конструкции и имела размер $2,8 \times 1,5$ ($4,2 \text{ м}^2$). По наличию двух ямок, расположенных по центральной оси, можно предположить двускатную крышу. Вместе с

тем в восточной части постройки ямка на 0,35 м отстояла от края котлована, поэтому вероятна и другая реконструкция крыши – односкатная. Разброс фрагментов сосуда № 2 у этого столба и рядом, но за пределами восточной стенки котлована, позволяет предположить, что постройка была без стен.

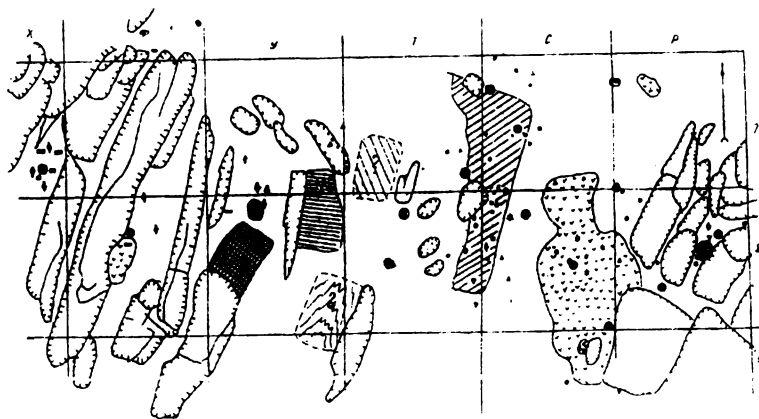

Рис. 2. Расположение объектов боборыкинской культуры на северо-западной части памятника Палатки I

Почти в центре сооружения находился большой валун, восточнее которого и частично заходя под его нависающую часть, параллельно стенке, была вырыта канавка длиной 0,9 м, шириной 0,2 м, глубиной 0,1 м. Очертания остатков второй канавки, расположенной в юго-западном углу постройки, были слегка изогнуты, ее длина составляла 0,5 м, ширина – 0,12 м, глубина – 0,06 м. В пределах сооружения наряду с крупными фрагментами сосуда № 2 (рис. 4–1–3), у большого валуна, находилось скопление частей сосуда № 8 (рис. 4–4). Единично представлены фрагменты сосуда № 10 (рис. 4–5) в южной части постройки и № 19 (рис. 5–3), обнаруженного ниже уровня пола.

Западнее постройки помещалась глиняная площадка серо-желтого цвета, ориентированная на север–юг, с небольшим отклонением к северо-востоку. По всей вероятности, первоначаль-

но форма вымостки была прямоугольной. Ее сохранившийся размер $1,2 \times 0,4-0,6$ м, мощность $0,02-0,04$ м. Поверхность вымостки неровная: в северной части было чашевидное углубление, заполненное золой. В зольном слое находились развал сосуда № 1 (рис. 5-1), глиняный «утюжок» (рис. 6-8), пластины и нуклеус из светло-серого кремня.

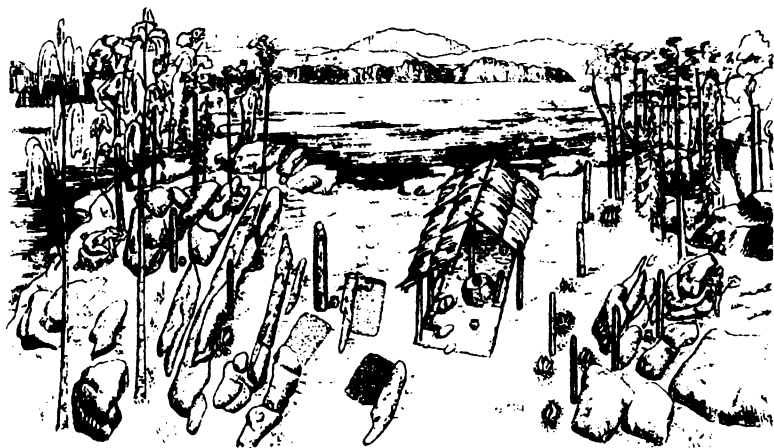

Рис. 3. Реконструкция внешнего вида святилища

Глиняная вымостка красного цвета расположена юго-западнее описанной выше. Она ориентирована с северо-востока на юго-запад и в основной части имела прямоугольную форму. С юго-запада, где вымостка была ограничена выходом скалы, она повторяла очертания камня. Размер площадки $0,8 \times 0,68$ м, мощность слоя $0,02-0,03$ м, внешняя поверхность ровная. Севернее этого объекта расчищена яма, овальная в плане, размером $0,32 \times 0,26$ м, глубиной $0,2$ м. Около ямы находилось скопление фрагментов сосуда № 6 (рис. 5-5, 6, 7). Вымостка белой глины могла находиться восточнее или юго-восточнее первых двух.

На границе со скальными выходами симметрично к западу и востоку от центрального комплекса были расположены пятна прокаленной супеси. На высокой восточной части площадки очертания прокала вытянуты с севера на восток на $2,9$ м, их максимальная ши-

рина – 1,4 м. Неправильная форма контура прокала и наличие около него и в его пределах ямок от столбов приводят к мысли о том, что кострищ, возможно, было 4, по числу ямок, и огонь возжигался возле каждого столба. Большое количество золы свидетельствует о длительном, скорее всего, непрерывном горении огня. Важно отметить, что линзы золы имели оттенки от белесо-серого и розового до желто-коричневого. За пределами этого объекта зольные включения найдены в слоях эпохи бронзы и раннего железного века, но цветность золы в этих случаях одинаковая – светло-серая.

Почти в центре площади прокала в ямке лежали фрагменты сосуда № 11 (рис. 5–9). Прокаленный слой супеси наряду с неорнаментированной боборыкинской керамикой содержал обломки сосуда № 4 (выброс из восточной расселины) и сосуда № 1 (выброс с глиняной вымостки).

Ямки от столбов в этой части святилища образовали фигуру, близкую к ромбу. В южной стороне фигуры, там, где расположено большое кострище, было пять ямок, очерчивающих равнобедренный треугольник со сторонами 2,1 м. В северной, где рядом с ямкой было небольшое пятно прокала, длина западной стороны составила 2,3 м, восточной – 2,6 м. Центральная ямка образовывала вместе с крайними северной и южной прямую линию, ориентированную север–юг, с небольшим отклонением к северу–северо-востоку (рис. 2).

К западному отрогу скал примыкало третье пятно прокала овальной формы размером 0,7 × 0,3 м. Севернее его находилась ямка от столба. В прокаленной супеси лежал фрагмент сосуда № 13 (выброс из западной щели ?).

Следующие объекты обнаружены за пределами площадки в щелях между невысокими выходами скал. Они помещались на одной оси с поперечной центральной линией постройки, симметрично по отношению к центральным объектам. В восточной щели шириной 0,15–0,25 м, в ямке, образованной стенками гранитных выходов и небольшими камнями, лежали фрагменты сосуда № 4 (рис. 6–1). Северо-восточнее расчищена ямка от столба. В западной щели шириной 0,15 м находилась основная часть фрагментов сосуда № 13 (рис. 6–5, 6). В 0,5 м к западу от этой

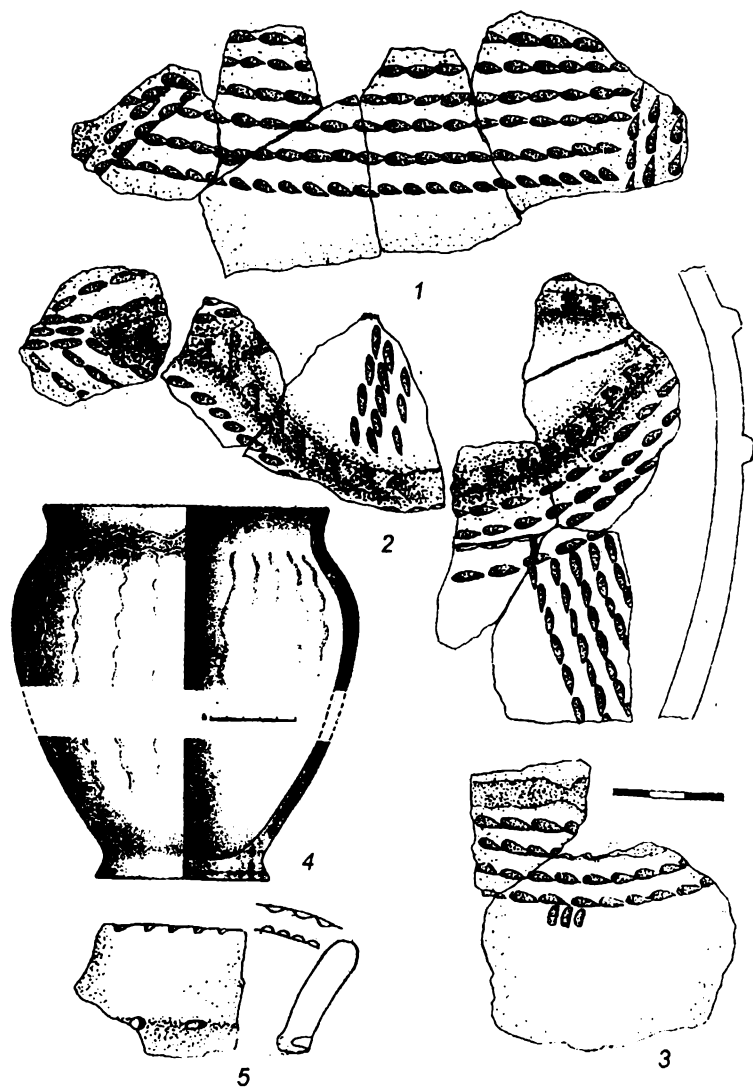

Рис. 4. Палатки I. Керамика со святилища: 1–3 – фрагменты сосуда № 2;
4 – реконструкция сосуда № 8; 5 – № 10

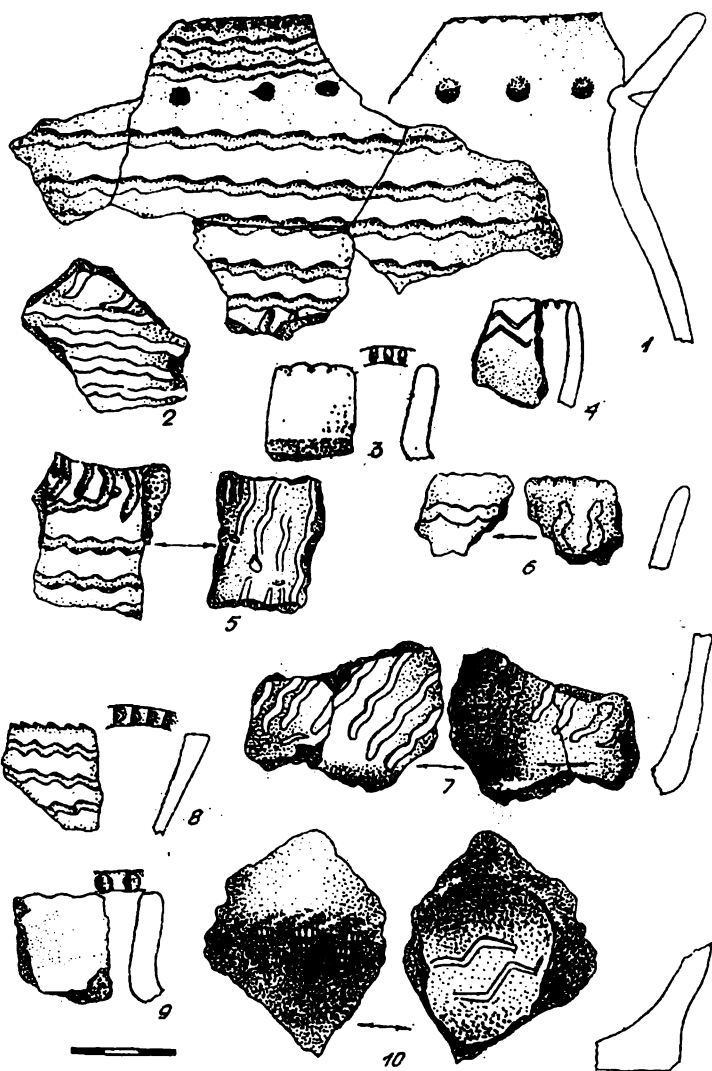

Рис. 5. Палатки I. Фрагменты сосудов со святилища: 1, 2 – № 1; 3 – № 19; 4 – № 7; 5–7 – № 6; 8 – № 9; 9 – № 11; 10 – днище «в»

щели на небольшой площадке шириной 0,6 м между массивными выходами скал около ямки обнаружено еще несколько фрагментов этого сосуда, а также обломки сосуда № 6.

Все описанные объекты отнесены к эпохе неолита на основании найденной там керамики боборыкинского типа, основная часть которой представлена развалами сосудов. Скопления фрагментов 6 сосудов № 1, 2, 4, 6, 8, 13 связывают воедино объекты в западной и восточной щелях, постройку, глиняные площадки и пятна прокала. Единичные фрагменты сосудов боборыкинского типа оказались на различных уровнях в пределах южных очертаний энеолитического жилища. Наряду с неорнаментированными это были: обломок сосуда № 14 (рис. 6–7), который, как и скопление фрагментов сосуда № 13, оказался в щели ниже уровня дна жилища, № 5 (рис. 6–4) – на дне, № 7 (рис. 5–8) и № 9 (рис. 5–4) – выше уровня дна.

Таким образом, на ограниченной территории северо-западной части памятника Палатки I были найдены остатки 13 сосудов боборыкинского типа. Примечательно, что при раскопках всей остальной части памятника (свыше 800 м²) были обнаружены фрагменты всего 9 сосудов этого типа. В результате разрушения неолитического памятника часть фрагментов сосудов с него оказалась за пределами, в радиусе от 4 до 30 м. Основное направление выкидов – северо-восток. Можно предположить неоднократную переотложенность этих фрагментов, в том числе в результате работы на древней каменоломне, расположенной северо-восточнее неолитического комплекса.

Даже неорнаментированные фрагменты сосудов боборыкинского типа удается вычленить из разнообразной по времени и культурной принадлежности керамики памятника Палатки I, для которой с эпохи неолита до позднего железного века характерна примесь измельченного талька в тесте.

Анализируя состав теста боборыкинской керамики с памятника Палатки I, Н. Р. Тихонова разделила все сосуды на три группы: 1 – глина + органика; 2 – глина + органика + большая концентрация тальковой дресвы; 3 – глина + органика + тальковая дресва + шамот. Первая группа отличается от зауральской, 2 и 3 – близки к местной традиции³.

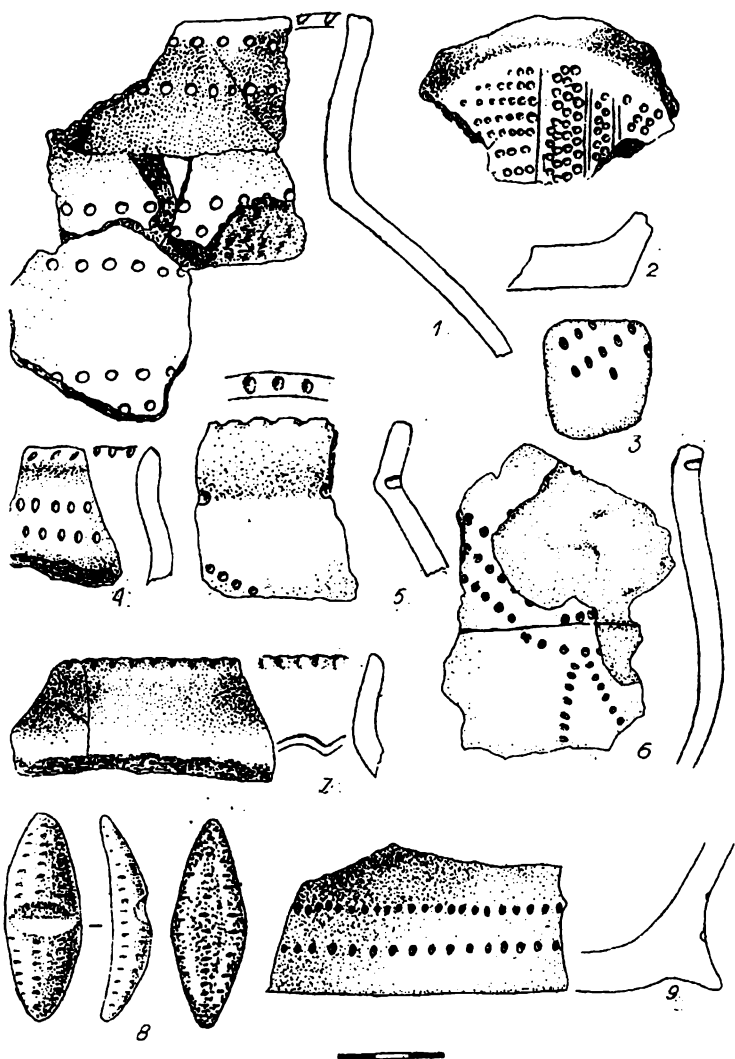

Рис. 6. Палатки I. Керамика со святилища. Фрагменты сосудов: 1 – № 4; 2 – днище «а»; 3, 5, 6 – № 13; 4 – № 5; 7 – № 14; 8 – «утюжок»; 9 – днище «д»

Из 22 сосудов 13 относятся к первой группе, большинство из них – 10, в том числе 5 в виде скоплений, сосредоточены в районе описанного комплекса. «Утюжок», как и фрагменты сосуда № 4, принадлежит к группе 2.

При сравнительно небольшом количестве сосудов весьма разнообразна форма их профилировки: 12 горшковидной формы, при этом 10 из них имели короткие шейки, 2 – высокие (рис. 5–1; 6–1). Шейка могла быть слабо или сильно отогнута, переход от нее к тулову плавный (рис. 4–4; 5–1) или резкий, оставляющий ребро на внутренней части (рис. 6–1). Девять сосудов баночной формы имели прямые или слегка выгнутые стенки, можно предположить, что один сосуд (рис. 5–8) был чашевидным.

Разнообразны и формы перехода от тулова к днищу: у 5 сосудов переход отмечен в виде выступа (рис. 4–4; 6–9), у 2 стенки тулова четко переходит в днище (рис. 5–10; 6–2), в 2 случаях переход округлый (рис. 5–7).

Орнамент покрывает плоский или округлый венчик, верхнюю и придонную части тулова, иногда орнаментировано дно. Четыре сосуда украшены по венчику. На четырех горшках по перегибу шейки нанесены глубокие ямки, оставляющие жемчужину с противоположной стороны. Орнаментом служила палочка или птичья косточка с округлым, реже – размочаленным концом.

Орнамент на 8 сосудах нанесен в виде горизонтальных рядов неглубоких ямочек круглой или овальной формы. Более сложная композиция по тулову сосуда № 13 (рис. 6–5, 6), но, к сожалению, она сохранилась частично. Фрагмент от него (рис. 6–3) оказался обработанным шлифовкой с четырех сторон. Ямочным орнаментом украшены сосуды, развалы которых были найдены в западной (№ 13) и восточной (№ 4) щелях гранитных выходов периферии памятника.

Группа из 8 сосудов, включая фрагмент дна, орнаментирована волнистыми линиями, а банка – двойным прочерченным зигзагом. Важно отметить, что 7 из них оказались в пределах культовой площадки, при этом 6 по составу теста относятся к первой группе. Три сосуда украшены и по внутренней поверхности, в том числе сосуд № 6 (рис. 5–5, 6, 7) покрыт волнистым орнамен-

том изнутри до самого дна. На внутренней части фрагмента днища (рис. 5–10) нанесены две змеевидные фигуры. Композиции на сосудах состоят из волнистых линий, прочерченных вертикально, горизонтально и диагонально по отношению к устью.

Выразительна композиция горшка № 8 (рис. 4–4): от двух горизонтальных волнистых линий, нанесенных по перегибу, как по внешней, так, частично, по внутренней сторонам тулова, спускаются вниз (или, наоборот, поднимаются вверх) разреженные волнистые линии. Композиция сосуда № 2 восстанавливается лишь фрагментарно. Узоры нанесены отступающими насечками, имитирующими крупные капли. В его сохранившейся части широкий пояс горизонтальных линий (рис. 4–1) переходит в фигуру, выполненную валиком (рис. 4–2). Она образована равными отрезками двух пересекающихся окружностей и имеет острые углы, по форме линзообразная похожа на семечко или сливовую косточку. Со всех сторон она подчеркнута поясками из линий и рассечена на две части. В одном случае композиция завершается тремя насечками (рис. 4–3). В другом – диагонально вниз спускается еще одна длинная полоса, напоминающая фрагмент плотной стены дождя (рис. 4–2). Центральным узором композиции представляется валиковый. На имеющихся фрагментах с одной стороны он завершается головкой, похожей на змеиную. Можно предположить, что орнамент, нанесенный по валику, имитирует узор змеиной кожи.

Последнее изделие из глины – «утюжок». Он самый маленький из известных на Урале, размером 5,6 × 2,2 × 1,3 см. В плане изделие семечковидное, в профиле – с выгнутой спинкой. Вся его поверхность покрыта орнаментом из 8 продольных линий, нанесенных наколами (рис. 6–8). Контур «утюжка», прорезанного по центру поперечным желобком, повторяет иконографию центрального узора композиции описанного выше сосуда № 2.

Как «утюжок», так и основная часть фрагментов, орнаментированных волнистыми узорами, в том числе скопления от сосудов № 1, 6, 8, а также сосуд № 2 с валиковым орнаментом, связаны с центральными объектами памятника.

К сожалению, нельзя достоверно соотнести с боборыкинским комплексом кремневый инвентарь, за исключением двух пластин и нуклеуса из светло-серого кремня из зольного заполнения северной части глиняной площадки и скребка из того же материала из южной канавки. Во-первых, изделия, выполненные в пластинчатой технике, найденные на описанной площадке, могли относиться к переотложенному мезолитическому слою, поскольку мезолитические находки значительно перекрывают по площади местонахождение боборыкинских объектов. Во-вторых, светло-серый кремнь из известняков широко использовался в энеолитическое время, в том числе и для производства пластин.

Как можно определить описанную выше совокупность объектов и керамических изделий боборыкинского типа? Есть все основания считать площадку в северо-западной части острова святилищем.

Поиски аналогов – и то не святилищному комплексу в целом, а его отдельным деталям – уводят к раннеземледельческим культурам Ближнего Востока и Юго-Восточной Европы. Предположительно земледельческие культы могли быть принесены на Урал потомками ушедших из этих районов племен. Уже была выдвинута гипотеза о возможной маркировке пути мигрантов Ближнего Востока по «утюжкам» на северо-восток через Среднюю Азию, возможно, по восточному побережью Каспийского моря, вплоть до Среднего Зауралья⁴. Второе вероятное направление миграций – через Кавказ. В. Т. Ковалева нашла общие черты боборыкинской керамики с плоскодонной посудой неолитических стоянок Кавказа типа Нижней Шиловки⁵. Появление плоскодонной керамики с резной и валиковой орнаментацией в Центральном Закавказье Р. М. Мунчаев очень осторожно связывает с влиянием архаической хассунской культуры⁶. В это предположение хорошо вписывается факт находки «утюжка» на памятнике Имерисгора⁷, а также широкое распространение в неолитической днепро-донецкой культуре «утюжков» – «челноков».

Со знаковой системой культур Ближнего Востока и Юго-Восточной Европы может быть связан змеевидный орнамент, а также узоры в виде дождевидных полос, семечковидных фигур, креста⁸. В подобных фигурах, омываемых полосами вод, на сосудах

Триполья–Кукутени В. М. Массон, Е. К. Черныш и Б. А. Рыбаков увидели символы плодородия женщины-земли. В. Н. Даниленко считал подобные знаки глазами драконов⁹. Для понимания смысла как самого семечковидного знака, так и его места в композициях, попробуем обратиться к иному источнику. В Ригведе среди различных вариантов происхождения Вселенной в двух гимнах (РВ X, 82 и X, 121) дан образ золотого зародыша в бездне высоких вод. Он породил небо, солнце, стороны света, землю, горы, дал жизнь всему, что способно жить. По мнению Т. Я. Елизаренковой, золотой зародыш предшествовал образу космического яйца в классическом индуизме¹⁰. Миф имеет древние корни, уходя в то прошлое, когда еще не было пантеона индо-иранских богов. Предшественниками индо-иранских скотоводов на территории Ближнего Востока и северного Индостана были раннеземледельческие племена неолитического и энеолитического времени. Именно в жизни этого населения большое место занимали всхожесть посеянного зерна, солнечное тепло, вода, плодородная земля.

Миф о золотом зародыше в рисунках на сосудах мог приобрести вид композиции, где сочетается образ зерна-зародыша с водной стихией. Вариант подобного сюжета можно усмотреть в сочетаниях изогнутых вертикальных линий и семечковидных фигур на сосудах из нижнего слоя поселения Сокольцы бугодноднестровской культуры¹¹, на сосудах с поселения Варваровка трипольской культуры¹². Вертикальные струи воды и линзовидные фигуры встречаются также на сосудах раннеземледельческого населения Северной Индии¹³.

Думается, что этот же миф представлен в совокупности знаков керамики святилища с острова Каменные палатки. Следует отметить, что подобный сюжет – не исключение на сосудах боборыкинской культуры. С этой точки зрения весьма интересен сосуд баночной формы с валиком, расщепленным круглыми ямочками, с поселения Исетское Правобережное I. Валик, раздваиваясь, образует линзовидную фигуру. Ниже расположен резной орнамент в виде косых заштрихованных крестов и многорядовых зигзагов¹⁴. Еще один сосуд, на поверхности которого сочетаются семечковидные фигуры и вертикальные полосы вод, известен с поселения Ново-Шадрино¹⁵.

Вполне оправдана трактовка В. Т. Ковалевой части «пиктограммы» на фрагменте сосуда с Кокшаровско-Юрьинской стоянки как зародыша¹⁶. Композицию на обратной стороне фрагмента, следуя мифу (РВ X, 121, 4), можно прочесть как рождение из зародыша в космических водах четырех сторон света.

Глиняные площадки, возможно, связаны с обычаем ранних земледельцев обмазывать площадку слоем глины под погребение¹⁷ или слоем гипса под святилище¹⁸. При помощи глиняной обмазки сооружался упрощенный вариант алтаря прямоугольной формы¹⁹. К сожалению, аналога к сочетанию различного цвета прямоугольной формы глиняных площадок пока в публикациях не обнаружено, но использование краски для выделения отдельных участков поверхности имеет давнюю историю.

Наличие красной, желтой, коричневой, черной красок в росписях верхнепалеолитических пещер, перекрытие погребений в это же время и в последующие эпохи камня охрой, а также меловой подсыпкой – известные факты. Сакральная значимость красного цвета в древних культурах Ближнего Востока безусловна: красные стены святилищ, красные рога быков, красный фон или, наоборот, росписи сосудов. Как уже упоминалось, для культовых сооружений использовался белый гипс.

К сочетанию красного с белым и серо-желтым наиболее близко толкование цветового кода в мифологических представлениях древних ариев. Анализируя тексты Ригведы, Т. Я. Елизаренкова пришла к выводу, что в основе колористической классификации лежит разделение спектра на яркие и темные цвета. С яркой частью спектра, включающего различные тона красного, желтого, а также белого цвета, связано только положительное значение²⁰. Более половины всех названий яркой части спектра занимают всевозможные оттенки красного. Главным образом, это цветовые эпитеты солярных богов. В описании сомы наиболее используемый цветовой знак – желтоватый, золотистый²¹, но после смешения с молоком сома становится белой. Белый цвет многозначен. В одном случае он противостоит всем цветам, в том числе красному²². В другом белый и красный могут быть инвариантами яркого цвета, находящегося в оппозиции с черным²³. По-

следний цветовой контраст – специфическая характеристика двойственной природы бога огня – Агни.

Более поздние аналоги описанной цветовой гамме находим в III тыс. до н.э. в погребальном ритуале индоевропейского населения приуральского варианта древнеямной культурной общности. В курганах правобережья р. Урала на дне могильных ям неоднократно встречались сочетания меловой подсыпки с охристой²⁴. Умерших помещали на подстилки светло-коричневой или желто-коричневой коры тополя и посыпали охрой. Иногда встречаются покрытия погребенных, изготовленные из темной коры, а в засыпке ям присутствуют угольки²⁵. В погребальном обряде древнеямного населения левобережья р. Урала встречаются сооружения глиняных погребальных площадок желто-белого и красного цветов²⁶. То есть, выявленная по текстам Ригведы традиция использования оппозиции цветовых знаков – светлое (красное, желто-коричневое, белое) – темное (темно-коричневое, черное) присутствует и в погребальном обряде индоевропейцев Приуралья.

Еще один сюжет, где необходимо обращение к раннеземледельческим аналогам – расположение ямок (от столбов ? идолов ?) в наиболее высокой восточной части святилища в виде ромбовидной фигуры с костровищами в южной части (рис. 3). Вряд ли случайна эта форма, а также ориентировка длинной оси ромба в направлении север–юг.

Ромб с точками на трипольских фигурках Б. А. Рыбаков трактует как знак засеянного поля²⁷. В шумерской архаической письменности овал или ромб обозначали землю²⁸. Поле-земля – пространство, освоенное человеком. Возможно, в восточной части святилища наглядно воспроизведен миф о модели Земли, юг которой был местом обитания огня-солнца. Обломки сосудов на кострище – следы даров этой стихии.

Столбы и сосуды в щелях гранитных выходов на боборыкинском святилище – еще один факт, который позволяет обратиться к традициям ранних земледельцев. Е. В. Антонова отмечала, что они относились к земле, как «я» к «ты», делая ей приношения в ямы и расселины²⁹.

С учетом рассмотренных параллелей сделана попытка реконструкции обрядовых действий на неолитическом святилище о. Каменные палатки.

Глиняные площадки могли служить своеобразными алтарями для отправления обрядов, в которых воспроизводились действия, имеющие связь с космогоническими мифами, в том числе о происхождении Вселенной от золотого зародыша-зерна. Сакральный смысл, возможно, имел и камень в центре прямоугольной постройки. Сооружение могло служить хранилищем ритуальных предметов (сосуды № 2 и 8). Большое место в обряде занимал огонь, о чем свидетельствуют интенсивные пятна прокала и массивный зольник. Интересно отметить, что основное крупное кострище или совокупность кострищ находились в восточной части площадки, и ритуал воссоздания Земли, возможно, свершался при восходящем солнце. Малый огонь в западной части площадки был посвящен заходящему солнцу. Можно высказать предположение, что оттенки золы зависели от состава жертвоприношений.

За кострищами в щелях рядом со столбами (идолами?) производились какие-то жертвоприношения, возможно, охранительные возлияния, от которых сохранились развалы сосудов.

Специфика объектов и находок с культового неолитического памятника Палатки I приводит к постановке вопроса о том, какое место занимает памятник в зоне распространения боборыкинской культуры. В ландшафтном отношении все варианты памятников боборыкинской культуры распадаются на три группы: лесостепную низовьев Исети и Тобола с «классическими» боборыкинскими комплексами; горно-лесную, в составе которой А. Ф. Шорин выделил басьяновский вариант³⁰, и таежную – сатыгинский вариант бассейнов рек Конды и Тавды³¹, и амнинский – на Нижней Оби³².

Что объединяет столь разные по ландшафтной локализации памятники? В чем керамика басьяновского, сатыгинского и амнинского вариантов близка «классической»? Основная черта, выделяющая их среди местных неолитических круглодонных и остродонных сосудов – наличие баночных и горшковидных форм с плоским днищем, в том числе с выступом. Срез венчика или его верхняя часть с внутренней стороны украшены наколами, в каж-

дой коллекции есть волнистые венчики. Узоры наносились одинаковым орнаментом, но различными способами: прочерченным, отступающим, накольчатым. Обычно украшена верхняя треть сосуда. Важно отметить, что почти на каждом памятнике выделяются один или несколько сосудов баночной формы или слабо профилированных горшков с богатым декором. В составе композиций могут быть вертикальные и горизонтальные змееподобные волнистые линии или зигзаги, диагональные полосы дождевидного узора, вложенные друг в друга треугольники вершиной вниз – имитация гор, прямоугольный или косой крест; столбообразная или линзовидные фигуры. Часто подобные узоры обрамлены сдвоенными подвесками или рядом «ресничек».

При сравнении второго комплекса сосудов со святилища с другими можно сделать вывод, что он ближе всего к лесостепным – керамика в составе теста не имеет тальковой дресвы (10 экз.), аналогична профилировка сосудов, те же принципы орнаментации. Но есть и отличия. Во-первых, в немногочисленной коллекции керамики с поселения Палатки I встречены два сосуда с валиком, тогда как со всех «классических» комплексов, а их в лесостепной полосе известно свыше 10, – лишь один фрагмент с поселения ЮАО-IX. Во-вторых, на святилище нет керамики с узором в виде треугольника вершиной вниз и вертикальных столбиков, зато имеется такое количество сосудов с волнистыми змеевидными узорами (свыше 50 %), которое не характерно ни для одного из известных боборыкинских памятников.

Наличие валиковых сосудов сближает материал святилища с сатыгинской керамикой, а волнистые узоры, особенно вертикальные, – с амнинской. Однако в таежной зоне явно преобладают сосуды баночной формы, есть треугольные фигуры и пока неизвестны «утюжки».

При сопоставлении керамики со святилища с горноуральской басьяновского варианта оказывается, что на нем единичны сосуды с тальком, совсем нет преобладающей у басьяновских сосудов выгнутой, четко профилированной шейки, в орнаментации не использовался двузубый гребенчатый штамп. В свою очередь на сосудах басьяновского комплекса, за исключением орнаментиро-

ванного дна с Кокшаровско-Юрьинской стоянки, пока не встречены на керамике геометрические фигуры, горизонтально расположенные узоры просты.

Связь между комплексами обнаруживается, если в сравнительный ряд поместить керамику памятников верх-исетского круга: с поселения Палатки I, обнаруженную за пределами святилища (рис. 7), а также материалы с поселений Исетское Правобережное I³³ и Бараний мыс³⁴. В этих комплексах в качестве примеси к тесту сосудов характерен тальк, форма сосудов преимущественно горшковидная с четко профилированной, иногда прогнутой, шейкой. Орнамент представлен горизонтальными прочерченными прямыми или волнистыми линиями (рис. 7-4, 5). В качестве штампа нередко использовался двузубый (рис. 7-1). Но наряду с керамикой типично басьяновского варианта на этих памятниках присутствует небольшое число сосудов, изготовленных без примеси талька³⁵, есть баночные сосуды, в том числе с валиком (рис. 7-2). В коллекции с памятника Палатки I по днищу расположен сетчатый узор. Орнамент в виде креста украшает днища сосудов с тальковой примесью как с поселения, так и со святилища (рис. 6-2, 7-8).

Исследователи, отмечая в керамике с памятника Амня I наряду с новыми элементами наличие круглодонных сосудов, наплыв с внутренней стороны венчика, гребенчатую орнаментацию, пришли к выводу о сильной деформации южных черт боборыкинской культуры. Она обусловлена продолжительным взаимодействием мигрантов и их потомков с аборигенами лесной зоны³⁶. Это была одна из волн миграции по Оби из лесостепного Притоболья. Другой поток пришлого населения устремился по рекам Конде и Тавде, третий был связан с продвижением по Исети.

Следует согласиться с выводом Н. Р. Тихоновой, сделанным на основе технико-технологического анализа верх-исетской боборыкинской керамики, что на святилище Палатки I можно увидеть первоначальный процесс адаптации пришлого населения к новым условиям. О мирном характере взаимоотношений мигрантов с аборигенами можно судить лишь по косвенным данным. Новое население принесло с собой на остров сосуды, изготовленные по своей технологии (группа I). Именно эти сосуды ис-

пользовались в обрядах на центральной и западной частях святилища. Но для свершения всех ритуалов, по-видимому, сосудов было недостаточно, а также отсутствовал важнейший элемент обряда – «утюжок». Поэтому для изготовления сосуда № 4 (восточная щель) и «утюжка» у местного населения были заимствованы либо местные источники глины, либо новая технология.

По коллекциям с поселений Палатки I, Исетское Правобережное I, Макуша III и Бараний мыс можно судить о продолжении этого процесса, в ходе которого какие-то группы начали продвигаться к северу (поселение Полуденка I, Кокшаровско-Юрынская стоянка³⁷, Кокшаровский холм).

Анализ материалов со святилищного комплекса на памятнике Палатки I подводит к мысли о том, что на всех других памятниках боборыкинской культуры ритуальные места надо искать там, где есть сочетание находок «утюжков» и сосудов со сложными композициями.

¹ Шорин А. Ф. Стратиграфия и керамические комплексы Кокшаровского холма в Среднем Зауралье // РА. 2000. № 3.

² Викторова В. Д., Кернер В. Ф. «Утюжки» с неолитических и энеолитических памятников Зауралья // ВАУ. Екатеринбург, 1998. Вып. 23. С. 77.

³ Тихонова Н. Р. Результаты технико-технологического анализа керамических комплексов боборыкинской культуры с памятников верховьев р. Исети // XIV Уральское археологическое совещание. Челябинск, 1999. С. 44–45.

⁴ Викторова В. Д., Кернер В. Ф. «Утюжки» с неолитических и энеолитических памятников Зауралья. С. 77

⁵ Ковалева В. Т., Зырянова С. Ю. Историография и дискуссионные проблемы боборыкинской культуры // ВАУ. Екатеринбург, 1998. Вып. 23. С. 176.

⁶ Мунчаев Р. М. Энеолит Кавказа // Энеолит СССР. М., 1982. С. 111.

⁷ Там же. Табл. XXXI–14.

⁸ Антонова Е. В. Обряды и верования первобытных земледельцев Востока. М., 1990. С. 255–236; Миссон В. М., Черныш Е. К. Идеологические представления и памятники искусства трипольских племен // Энеолит СССР. М., 1982. С. 247, 250; Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1981. С. 188–190.

⁹ Даниленко В. Н. Космогония первобытного общества // Начало цивилизации. М., 1999. С. 18. Рис. 7.

¹⁰ Елизаренкова Т. Я. Примечания // Ригведа. Мандалы IX–X. М., 1999. С. 519.

¹¹ Даниленко В. Н. Космогония... Табл. II–4.

¹² Там же. Рис. 7.

¹³ Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф. Индия в древности. М., 1985. С. 80, 94.

¹⁴ Кернер В. Ф. Керамический комплекс боборыкинской культуры в верховьях р. Исети // XIV Уральское археологическое совещание. Челябинск, 1999. С. 25.

¹⁵ *Корякова Л. Н., Стефанова Н. К.* Памятники у д. Ново-Шадрино на юге Тюменской области // Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1984. Рис. 2–10.

¹⁶ *Ковалева В. Т., Зырянова С. Ю.* Историография и дискуссионные проблемы ... Рис. 6–1.

¹⁷ *Антонова Н. В.* Обряды и верования... С. 79.

¹⁸ Там же. С. 212.

¹⁹ *Массон В. М., Черныш Е. К.* Идеологические представления... С. 246.

²⁰ *Елизаренкова Т. Я.* О цветовом коде ариев Ригведы // Ригведа. Мандалы V–VIII. М., 1999. С. 480.

²¹ Там же. С. 486.

²² Там же. С. 481.

²³ Там же. С. 485.

²⁴ *Богданов С. В., Кравцов А. Ю., Моргунова Н. Л.* Курганы древнеямной культуры левобережья р. Урал // Древняя история населения волго-уральских степей. Оренбург, 1992. С. 81–83.

²⁵ *Богданов С. В.* Древнеямный некрополь в окрестностях с. Грачовки // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 2000. Вып. 4. С. 11–14; *Моргунова Н. Л., Турецкий М. А.* Курганная группа у хут. Барышникова // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 1998. Вып. 2. С. 3–6.

²⁶ *Ткачев В. В., Гуцалов С. Ю.* Новые погребения энеолита – средней бронзы из восточного Оренбуржья и Северного Казахстана // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 2000. Вып. 4. С. 28–29.

²⁷ *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. С. 182.

²⁸ *Антонова Е. В.* Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. М., 1984. С. 142–144.

²⁹ *Антонова Е. В.* Специфика условных изображений дописьменных культур в связи с их интерпретацией как знаков светил // Древняя астрономия: небо и человек. М., 1998. С. 9.

³⁰ *Шорин А. Ф.* Стратиграфия и керамические комплексы Кокшаровского холма в Среднем Зауралье. С. 96–97. Рис. 7.

³¹ *Хлобыстин Д. П.* Сатыгинский тип керамики Западной Сибири // Ad Rous (Археологические изыскания). СПб., 1993. Вып. 10. С. 39–35.

³² *Морозов В. М., Стефанов В. И.* Амня I – древнейшее городище Северной Евразии? // ВАУ. Екатеринбург, 1993. Вып. 21. С. 155, 159.

³³ *Кернер В. Ф.* Керамический комплекс... С. 24–25.

³⁴ *Ковалева В. Т.* Неолит Среднего Зауралья. Свердловск, 1989. Рис. 16; *Ковалева В. Т., Чаиркина Н. М.* Этнокультурные и этногенетические процессы в Среднем Зауралье в конце каменного – начале бронзового века: итоги и проблемы исследования // ВАУ. Екатеринбург, 1991. Вып. 20. Рис. 5–16–18.

³⁵ *Тихонова Н. Р.* Результаты технико-технологического анализа... С. 45.

³⁶ *Морозов В. М., Стефанов В. И.* Амня I... С. 167.

³⁷ *Ковалева В. Т., Чаиркина Н. М.* Этнокультурные и этногенетические... Рис. 5–1–5; 11–15.